

Дмитрий Полежаев

Русский менталитет: социально-философская концепция

Przegląd Wschodnioeuropejski 3, 285-303

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ДМИТРИЙ ПОЛЕЖАЕВ

Волгоградская государственная академия повышения квалификации
и переподготовки работников образования

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

1. Актуальность исследования проблемы русского менталитета обусловлена целой совокупностью причин, важнейшей среди которых является потребность понять специфику истории русского народа, особенности современного российского общества, перспективы его динамики. В современном российском обществе возрастает признание значения исторических традиций, ценностей, установок русского народа. Сложные социальные, этнополитические процессы, происходящие сегодня в России, привлекают общественное внимание и внимание ученых к сложным проблемам, связанным с самосознанием русского народа. Поэтому проблема единства и многообразия человеческого в человеке вызывает как теоретический, так и практический интерес.

Социально-философское осмысление комплекса проблем современного российского общества (социально-экономических и политических достижений, неудач и перспектив развития) предполагает глубокое исследование проблемы менталитета русского народа. Необходимость этого определяется и потребностями самой философии. Деятельность людей детерминируется социально-экономическими и культурными связями, особенностями психического склада и другими факторами, в основе которых лежат ментальные феномены.

Без четкого знания структуры и особенностей русского менталитета направленная модернизация общества и государства не представляется возможной, поскольку кардинальные реформы – это всегда фундаментальные изменения основ жизни народа, связанные с его ценностными ориентациями, сложившимися убеждениями и стереотипами. Ментальные особенности, проявляясь в индивидуальной психике и поведении людей как некие «константы», формируют базу идентичности человека в условиях определенного исторического времени.

Процессы интеграции и глобализации затрагивают сегодня все сферы жизнедеятельности общества. Человечество вступает в качественно новое

состояние со сложными многообразными противоречиями, связанными с интенсивным развитием экономических, политических, духовных взаимодействий. Знание природы менталитета – насущная потребность и условие успеха в адаптационных усилиях общества.

Проблема русского менталитета привлекает внимание исследователей различных областей науки: психологов, политологов, социологов, культурологов, педагогов – и на чисто эмпирическом, и на теоретическом уровне. Проблема менталитета оказывается и в центре внимания философского дискурса: необходимо отделение закономерного и сущностного от случайного и «урезанного» понимания феномена. В методологическом отношении социально-философский подход имеет принципиальное значение, ибо он позволяет вычленить базисные основания и особенности менталитета и тем самым придать дефинициям и возможным пояснениям соответствующую теоретическую нагрузку.

Слово «менталитет» до сего дня звучит в русской речи как иностранный термин, а количество опытов эмпирического, феноменального описания менталитета весьма обширно. Актуализация исследований ментальных феноменов заслуживает положительной оценки; но подчас совершенно размывается внутреннее содержание понятия и, таким образом, отодвигается искомое – сущностные основания, структурные составляющие и законы «жизнедеятельности». Бесконечное «производство» определений менталитета, то есть чисто суммативное собирание некоторых характеристик, не объединенное общей ментальной теорией, и возникающие при этом разноуровневые содержательные дихотомии создают иллюзию разнообразия и богатства толкования проблемы, которая, на наш взгляд, сдерживает действительно философское исследование.

Менталитет народа формируется под воздействием особенных факторов, прежде всего исторических. Русский менталитет не является исключением. Он имеет свои отличительные особенности, которые становятся наиболее заметными в соотношении с ментальными установками других народов. Исследование особенных черт русской нации актуализируется в свете происходящего в последние годы разноуровневого социально-культурного сближения России с объединенным европейским сообществом.

2. Анализ состояния *научной разработанности проблемы* требует обращения к истокам ее, к истории вопроса.

Проблемы менталитета тех или иных этнокультурных общностей были поставлены на повестку дня исследователями уже в XIX веке. Считается, что своим зарождением это научное направление во многом обязано трудам

Х. Штейнталя и В. Вундта, в основу которых были положены идеи Г. В. Ф. Гегеля об «объективном духе», а также распространенным в Германии XIX в. понятиям о «сверхиндивидуальной психике» и обусловленности социальной истории духовным складом народа. Известны и другие мнения по поводу «научного рождения» менталитета – как научной категории и понятия. Называются имена Р. Эммерсона (1856), А. де Токвиля (1897), М. Мосса (1906), Н. И. Кареева (1919) и ряд других.

Настоящее исследование опирается на труды Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера¹, которые затрагивают некоторые аспекты проблемы менталитета. Особое место занимают материалы исследований французской Школы «Анналов» (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Л. Февр и др.)². Выдающаяся роль в разработке проблемы менталитета принадлежит глубинной психологии К. Г. Юнга, психоанализу З. Фрейда, Э. Фромма, а также А. Адлеру, Р. Арону, М. Веберу, Т. Парсонсу, давшим определенное обоснование исторической устойчивости и повторяемости мировоззренческих и поведенческих стереотипов различных народов.

Специальные исследования в изучении ментальных феноменов осуществлены: Ф. Арьесом, Ж. Дюби, Г. Лебоном, Л. Леви-Брюлем, К. Леви-Строссом, Г. Тардом и др.³. Использовались труды, посвященные интеграции разнообразных научных фактов и подходов с единых общенаучных позиций (К. Бюлер, В. фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коул, Ж. Делёз, В. А. Лефевр, Н. М. Чернышова и др.).

Об особенностях русского национального характера и их истоках упоминалось в трудах таких русских мыслителей – философов начала XX века – «золотого века» русской философии как М. А. Бакунин, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, С. Н. Булгаков, С. И. Гессен, Н. Я. Данилевский, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, К. Д. Кавелин, П. А. Кропоткин, Н. О. Лосский, Н. И. Надеждин, В. С. Соловьёв, П. А. Сорокин, П. А. Флоренский, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, А. С. Хомяков, Н. Г. Чернышевский

¹ См.: Г.В.Ф. Гегель, *Эстетика*: в 4 т. – М.: Искусство, 1968. – Т. I. – 312 с.; А. Шопенгауэр, *Собр. соч. в пяти томах*. – Т. 1 / пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда. – М.: Московский клуб, 1992. – 395 с.

² См.: М. Bloch, *Apologie pour l'histoire ou Metier d'historien*. – Paris, 1961. – P. 79; Ф. Бродель, *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.*: в 3-х т. / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вст. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 622 с.; L. Fevre, *Pour une historea part entiere*. – Paris, 1962. P. 424.

³ L. Leevy-Bruhl, *«Primitive mentality» and religion* (Classical approaches to the study of religion. Aims, methods and theories of research). – Paris, 1973. – P. 14; К. Леви-Стросс, *Первобытное мышление* / пер., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. – 382 с. – (Сер. «Библиотека философской мысли»); Г. Тард, *Социальная логика*. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 554 с. (Сер. «Библиотека практической психологии»).

и др.⁴. Л. П. Карсавин вводит понятие «средний человек эпохи», который как бы заключен в каждом представителе своей группы, и утверждает, что некоторые стереотипы национального поведения неосознанно воспроизводятся в каждом новом поколении.

В последние годы глубокому анализу подвергается русская религиозно-философская традиция в контексте изучения устойчивых ценностей и ориентиров российского общества. Основным в этом поиске является более точное определение содержательной нагрузки понятия «менталитет», задающего смысловое поле проблемной напряженности. Исследование менталитета как устойчивой в длительном историческом протяжении системы внутренних глубинно-психических социально-культурных установок общества может быть естественно вплетено в общий проблемный узел современной философии.

Значительную роль в постижении особенностей функционирования менталитета общества сыграла разработка проблем сознания и бессознательного, позволившая обнаружить латентные пласты внутреннего мира социума (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, Э. Нойманн, С. Л. Рубинштейн, В. А. Ядов и др.). Проблема менталитета с позиций социально-психологической детерминации представлена в трудах Б. В. Поршнева и А. Н. Леонтьева. Психологические аспекты проблемы менталитета общества и ментальности личности убедительно представлены также Б. А. Душковым, Р. М. Грановской, С. В. Лурье, Т. В. Семёновой, С. В. Кондратьевым, И. С. Коном, Ш. А. Надирашвили, А. В. Петровским, М. Г. Ярошевским⁵. Разработки Д. Н. Узнадзе теории установки входят в число

⁴ Н.А. Бердяев, *Русская идея / Самопознание*: соч. – М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). С. 11-248; И.А. Ильин, *Путь к очевидности*: соч. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 912 с. (Сер. «Антология мысли»); Л.П. Карсавин, *Философия истории*. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с. – (Сер. «Памятники религиозно-философской мысли нового времени. Русская религиозная философия»); Н.О. Лосский, *Характер русского народа*. Репринт. воспроизв. издания «Посев», 1957 г. – М.: Ключ, 1990. – Кн. 1.– 64 с.; Кн. 2.– 96 с.; В.С. Соловьёв, *Русская идея // Спор о справедливости*: соч. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 622–649. (Сер. «Антология мысли»); П.А. Флоренский, *У водоразделов мысли // Имена*: соч.– М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). С. 15-340; Г.В. Флоровский, *Из прошлого русской мысли*. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.

⁵ Б.А. Душков, *Психосоциология менталитета и нооменталитета*.– Екатеринбург: Деловая книга, 2002.– 448 с.– (Сер. «Gaudemus»); Р.М. Грановская, И.М. Никольская, *Защита личности: психологические механизмы*. – СПб.: Знание, 1999. – 352 с.: ил.; С.В. Лурье, *Историческая этнология*. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.; А.В. Петровский, *Психология о каждом и каждому о психологии*. – М.: Изд-во РОУ, 1996. – 328 с.; Т.В. Семенова, *Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности*: автореф. дисс. ... докт. психол. наук: 19.00.05. – Казань: ИППО, 2007. – 40 с.

трудов, составляющих философско-методологическую основу исследования⁶.

Э. Г. Александриков, Л. М. Дробижева, О. С. Новикова, З. В. Синкевич, А. Г. Спиркин касались вопросов адаптации самосознания и культуры этносов в рамках социально-философского анализа. Представление о менталитете развивали Е. А. Ануфриев, В. В. Ванчугов, Ф. И. Гиренок, Р. А. Додонов, С. П. Иваненков, К. Касьянова, С. Э. Крапивенский, В. И. Курашов, А. Ж. Кусжанова, А. В. Лесная, К. Х. Момджян, И. В. Мостовая, Л. Н. Пушкарев, В. Селлин, А. П. Скорик, Г. Телленбах, Д. Филд, Р. Хингли, Б. П. Шульдин, Г. Шульц и др.⁷. Видится необходимым комплексное исследование проблемы менталитета в рамках социальной философии.

Глубокое исследование истории менталитета / ментальности как научного понятия и социального феномена наблюдается в трудах А. Я. Гуревича, Б. В. Маркова, И. Г. Дубова⁸ и др. Б. С. Гершунский рассматривает менталитет с точки зрения возможности «исторически ретроспективного предсказания поведения, поступков индивидуального или коллективного субъекта в определенных видах деятельности и жизненных ситуациях».

Значительное теоретико-методологическое влияние на разработку проблемы оказали работы В. С. Барулина, Ю. В. Бромлей, А. С. Панарина, Б. Ф. Поршнева⁹. Гуманитарная культурология, представленная в работах

⁶ Д.Н. Узнадзе, *Психология установки*. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с. – (Сер. «Психология-классика»); Д.Н. Узнадзе, *Психологические исследования*. – М.: Наука, 1966. – 188 с.; Д.Н. Узнадзе, *Экспериментальные основы психологии установки*. – Тбилиси: Мецниереба, 1961.

⁷ Е.А. Ануфриев, А.В. Лесная, *Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен* // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. С. 16-27; № 4. С. 28-44; В.В. Ванчугов, *Очерк истории философии «самобытно-русской»*. – М.: РИЦ «Пилигрим», 1994. – 405 с.; Ф.И. Гиренок, *Патология русского ума (картография дословности)*. – М.: АГРАФ, 1998. – 415 с.; И.В. Мостовая, А.П.Скорик, *Архетипы и ориентиры российской ментальности* // Политические исследования. – 1995. – № 4. С. 69-76; Л.Н. Пушкарев, *Что такое менталитет? Историкографические заметки* // Отечественная история. – 1995. – № 3. С. 158-166; V. Sellin, *Mentalität und Mentalitätsgeschichte* // Historische Zeitschrift. – Bd. 241. – H. 3, 1985. S. 555-598; V. Sellin, *Mentalitäten in der Sozialgeschichte* // Sozialgeschichte in Deutschland. Hrsg. Von W. Schiede und V. Sellin. – Bd. III. – Göttingen. 1987. S. 101-121; G. Tellenbach, *Mentalität* // Geschichte. Wirtschaft. Gesellschaft. Festschrift für Clemens Bauer zum 75. Geburtstag. Hrsg. von E. Hassinger, J.H. Vuller und H. Ott, 1977. S. 11-30.

⁸ А.Я. Гуревич, *Исторический синтез и Школа «Анналов»*. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.; И.Г. Дубов, *Феномен менталитета: Психологический анализ* // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. С. 20-29; Б.С. Гершунский, *Философия образования для XXI века* (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.

⁹ В.С. Барулин, *Российский человек в XX веке: потери и обретения себя*: монография – СПб.: Алетейя, 2000. – 431 с.; Ю.В. Бромлей, *Очерки теории этноса*. – М.: Наука, 1983. 412 с.; А.С. Панарин, *Россия в Евразии: геополитические выводы и цивилизационные ответы* // Вопросы философии. – 1994. – № 12; Д.С. Лихачёв, *О национальном характере русских* // Вопросы философии. – 1990. – № 4. С. 3-6.

М. М. Бахтина, В. С. Библера, Д. С. Лихачёва, А. Ф. Лосева и др., продемонстрировала аксиологический подход к исследованию духовной культуры, национальной и исторической психологии народа.

Гражданско-правовые аспекты русского менталитета рассматривались А. С. Барабашем, В. Н. Гуляхиным, А. А. Давлетовым, К. М. Никоновым, И. П. Носовым, Ю. М. Резником¹⁰. Социально-политические, философско-образовательные вопросы ментального плана разбираются в работах Н. Ф. Калины, И. М. Клямкина, Т. И. Кутковца, В. В. Лапкина, А. М. Новикова, В. И. Пантина, В. И. Садовниченко, Г. К. Селевко, А. Л. Стризое, Е. В. Чёрного, А. Д. Шоркина.

Проблемы национально-исторического измерения социальных процессов подробно проанализированы такими российскими и зарубежными исследователями как А. С. Ахиезер, М. А. Барг, М. П. Бузский, В. К. Кантор, Р. Лемелин, О. Мёльден, Х. Ортега-и-Гассет, А. С. Панарин, И. А. Петрова, А. Г. Сабиров, Н. Н. Седова, К. Хюбнер, В. А. Шкуратов, К. Ясперс¹¹ и рядом других. Важные для осмысления русского менталитета вопросы духовности и нравственности – как философских категорий и социально-индивидуальных феноменов – убедительно развернуты Н. К. Бородиной, В. Е. Давидовичем, В. И. Ксефофоновым, В. С. Малаховым, Н. С. Южалиной и др.

Диссертационные работы, затрагивающие в той или иной степени вопросы русского менталитета / ментальности, могут составить отдельный раздел историографии по теме нашего исследования: М. Г. Горбунова, В. В. Ковалёв, А. Ю. Кузнецов, А. Ю. Мордовцев, Т. В. Семёнова, М. Ю. Шевяков и др.

В качестве основы социально-философского дискурса мы рассматриваем исторический период, характеризующийся бурным развитием русской философии, относительно очерченный границами конца XIX – начала

¹⁰ В.Н. Гуляхин, *Правовой нигилизм в России*: монография. – Волгоград: Перемена, 2005; К.М. Никонов, *Социальная активность и свобода личности / Социальная активность и духовное богатство личности*. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1980. С. 72-86; И.П. Носов, *Духовные основания правосознания*: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 158 с.; Ю.М. Резник, Л.Г. Костюченко, *Введение в теорию личности. Личность и ее жизненный мир*. – М.: Независимый ин-т гражд. общества, 2003. – 236 с.; А.Л. Стризое, *Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия*; ВолГУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 340 с.

¹¹ R. Lemelin, *Pathway to the national character*. – London, 1974; O. Molden, *Die europäische Nation*. – München, 1990; А.Г. Сабиров, *Русский человек как феномен // Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (21-22 окт. 2010 г.)*. – Елабуга, 2010. С. 46-52; Н.Н. Седова, *Человек – этнический*. – Волгоград, 1994. – 83 с.; К. Хюбнер, *Нация: от забвения к возрождению / пер. с нем. А.Ю. Антоновского*. – М.: Канон+, 2001. – 480 с.; К. Ясперс, *Смысл и назначение истории / пер. с нем. / вступ. ст. П.П. Гайденоко*. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с. (Сер. «Мыслители XX века»).

XX вв.; он признается сегодня как своего рода «золотой век» русской философии. Осмысление глубочайших и широких пластов русской истории и русского сознания, духовного склада и образа мышления русского народа стало важным направлением развития философской мысли в России.

3. *Объектом исследования* мы считаем нравственно-психологические и интеллектуальные устои жизнедеятельности русского народа. *Предметом исследования* выбран русский менталитет, его специфика и основные конституэнты. Основной целью работы является социально-философский анализ феномена русского менталитета как социокультурного образования в целостном процессе жизнедеятельности человека и общества.

Настоящее исследование можно рассматривать как определенный этап в формировании целостной философской теории менталитета. Важно выделение функциональной составляющей менталитета наряду с его пространственно-ценностным измерением. В соответствии с указанной целью сформулированы основные *задачи*:

– уточнить смысловое и функциональное содержание понятия «менталитет»;

– обосновать условия и предпосылки принципиально открытого и незавершенного характера ментальных установок и ценностей, исторической значимости данной особенности;

– выделить основные черты русского национального характера и соответствующие им ментальные основания;

– эксплицировать существенные национально-русские ментальные черты, способствующие сохранению и дальнейшему историческому развитию русского народа;

– аргументировать основные возможности реализации потенциала русского менталитета в развитии современной России.

Методологической основой логики исследования является системный подход, в соответствии с которым рассматриваемый предмет определяется как целостный феномен с соответствующими уровнями организации и динамикой. При социально-философском исследовании феномена русского менталитета используются также методы сравнительно-исторического, структурно-функционального анализа и принципы диалектического мышления. Теоретическими основаниями и источниками исследования являются труды российских и зарубежных философов, рассматривающих различные аспекты проблем социального менталитета.

Научная новизна исследования представляется в следующем:

– на основании сложившихся в философии идей менталитета впервые выделены и обоснованы исторические предпосылки и условия формирования русского менталитета, его специфики, связи действительного и возможного в содержании и динамике;

– установлено, что исторически сложившиеся ментальные традиции и ценности жизни, отражающие глубинные «пласты» психологии и сознания, тем не менее, носят открытый и незавершенный характер в связи с изменениями культуры и социальной действительности;

– аргументированы периоды развития понятия «менталитет» в мировом и российском социально-гуманитарном знании;

– соборный, космический характер русского национального менталитета, с ярко выраженным нравственно-психологическим измерением, рассматривается как желание и способность русского народа к глобальному охвату и ответственному осмыслению проблем общества и человека;

– выявлено, что в современной России возможна реализация трех основных стратегий развития социально-государственных процессов, связанных с возможностями исторической динамики русского менталитета: негативный, «агрессивный», реформистский.

В результате исследования сформулирован ряд основных *положений*:

– под менталитетом мы понимаем устойчивую во «времени большой длительности» систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующуюся и изменяющуюся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне обусловленного саморазвития, и функционирующую на уровне внесознательного;

– теоретико-методологический анализ категории «менталитет», рассматриваемого как глубинное основание социальных процессов, являет собой принципиально незавершенный, открытый характер по той причине, что он обусловлен не только изменениями культуры, но представляет собой ту доминанту, которая укореняет человека в стихиях бытия;

– русский национальный характер как деятельностное проявление феномена русского менталитета может быть артикулирован через «спонтанность» и «обыденность», «державность» и «смирение» и ряд других социальных черт. Внутренняя противоречивость, разнонаправленность ценностных ориентаций и установок русского менталитета объясняется нравственно-психологической и интеллектуальной развернутостью духовных основ жизнедеятельности русского народа;

– к числу характерно русских внешних черт, имеющих глубинную внутреннюю, ментальную протяженность, относятся феномены, определяемые понятиями «национальное», «соборное» и «космическое» и содержательно объединенные в устоях жизни;

– понимание русского менталитета как системы установок позволяет отслеживать и анализировать состояние и динамику отдельных ментальных установок у представителей разных народов, социальных групп, принадлежащих одному народу.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что ее основные положения и выводы дают новую концептуальную основу для культурологических, социально-философских и социально-психологических исследований проблемы русского менталитета, его аспектных и прикладных исследований. Представленная работа является одним из первых исследований русского менталитета, в котором в диалектическом единстве рассматриваются социально-философские, исторические, социально-психологические и философско-образовательные аспекты данной проблемы.

Результаты исследования применимы для дальнейшего развития российского социально-гуманитарного знания. Теоретические обобщения и выводы могут использоваться для разработки учебных и специальных курсов по социальной философии и философии образования, теории и истории культуры, социологии и социальной психологии.

В настоящем исследовании в качестве опыта рассматриваются три направления общей проблемы менталитета: выделение смыслового и функционального в определении понятия «менталитет» и предположительных признаков ментального; анализ различных «ситуаций» менталитета, его проявлений в историческом пространстве русской цивилизации; осмысление ментальных механизмов социальной динамики как возможного средства преодоления системного кризиса современного российского общества. На стыке этих направлений могут возникнуть новые интересные идеи и открытия.

4. «Смысловое и функциональное в определении понятия „менталитет”». Рассматривается история становления понятия «менталитет», обозначаются его содержательно-смысловые оттенки. Вычленение существенных признаков ментального позволяет представить авторское видение менталитета, особенностей его функционирования на границе сознания и бессознательного. Пониманию этого функционирования способствует подразделение менталитета на два вектора установок – глубинно-психический и социокультурный.

4.1. «Особенности смыслового наполнения понятия «менталитет» в социально-гуманитарном знании». Для упорядочивания исследования, определения его границ и хронологических рамок важно выделить периоды развития понятия «менталитет» в мировом и российском социально-гуманитарном знании. Важно подчеркнуть особенности звучания рассматриваемого понятия, обозначить его содержательные особенности и релевантные научные категории.

Первый период – «допонятийный», продолжавшийся до конца XIX – начала XX вв. Слово «менталитет» использовалось в обиходе, в повседневной речи людей и имело именно то значение, которое сегодня можно найти в латыни или в словарях европейских языков. Путем перевода идут многие исследователи ментальных феноменов на начальных этапах работы. Указанный уровень осмысления феномена менталитета является недостаточным, поскольку повседневное, обыденное толкование (или простой перевод с иного языка) не может раскрыть сложной, многоуровневой структуры менталитета, его известной полифоничности в категориально-понятийном семантическом пространстве.

Второй период – «менталитет как научное понятие европейской мысли» – начинается, по различным оценкам, в конце XIX – начале XX в. с повышением внимания к феномену менталитета в различных научных школах Европы. Наиболее полное звучание термин «менталитет» (*mentalité*) приобрел во французской социологической школе «Анналов». Здесь очевидны некоторые этапы становления понятия, связанные с исследовательским интересом к нему и собственно развертыванием исследований. Это, во-первых, поиск смыслов, своеобразное «притягивание» значений понятия и определение его места в научном категориально-понятийном аппарате; во-вторых, синтез с другими причинными элементами исторического развития – экономикой (материальный фактор) и повседневными изменениями (объективного и субъективного характера); в-третьих, перенаполнение значений менталитета, размывание единой сущности понятия.

Неоднозначность определения менталитета выражается во множестве понятий: «общие категории представлений», «видение мира», «глубинные и архаические слои психики», «неосознанное», «повседневная сторона сознания», «поведение», «психологическая оснастка людей», «дух времени», «общественное сознание», «коллективная психология», «смысловые глубины» или «потаянные пласты глубинной социальной структуры», «образ мышления», «умонастроение» и др.

Изучение философского наследия русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. дало возможность обозначить ряд понятий, характеризующих проявления или сущностные элементы русского менталитета: «тип», «склад», «образ», «сознание», «дух» и «душа», «большая глубина», «бессознательное» («инстинктуальное») и др. Сравнение их с толкованиями менталитета в западной философии позволяет говорить о часто полной их идентичности.

Представляются интересными размышления Н.А. Бердяева об «умопостижимом образе русского народа», «русском сознании», «моральном сознании» или «характере русского народа». Убедительно в плане

определения менталитета выглядит выражение «более глубокий слой, не нашедший себе выражения в сознании»¹². В.В. Зеньковский рассматривал «сознание русских людей», «русское сознание» или «национальное сознание», используя понятие «глубина» в отношении массового сознания¹³. П.А. Флоренский, раскрывая особенности русского социального мироустройства, использует понятия «народное сознание», «смысл, раскрывающийся в сознании», «духовный склад народа», «национальный дух», «энергия духа» и др. Внешним проявлением национального духа философ называет «национальный характер»¹⁴. Это важно для понимания поведенческого элемента менталитета.

Л. Ладюри подчеркивал, что для характеристики менталитета необходимо исследовать важные составляющие социальной жизни: быт и повседневные заботы, хозяйство, природное и социальное окружение, семейную жизнь и отношение к детям, религиозные верования, мифы и идеи о душе, смерти, спасении и потустороннем мире, восприятие времени, пространства, истории и социальное поведение¹⁵. Эти сферы в рамках нашей концепции суть социально-культурные установки менталитета.

Третий период изучения феномена менталитета – с позиции российского исследователя – период «*смыслового наполнения понятия в российской науке*». Здесь можно выделить подпериоды исследования. Во-первых, с 60-х гг. до конца 80-х гг. XX в. – период освоения термина, приложения российских феноменов к преимущественно европейским исследованиям. А во-вторых – с начала 90-х гг. XX в. – это продолжающееся широкое обсуждение феноменов ментального плана, категориально-понятийный поиск в пространстве ментальных феноменов российской истории и современности.

4.2. «Менталитет и ментальность. Модусы интеракции». В логике настоящего исследования видится необходимым анализ структурных компонентов менталитета, выделение его основных признаков, которые в единстве могут рассматриваться как существенные. Предлагается авторское определение менталитета как устойчивой во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) системы внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формирующейся и изменяющейся как под влиянием внешних воздействий, так и путем внутренне

¹² Н.А. Бердяев, *Русская идея...* С. 13, 125, 137, 197, 245-247 и др.

¹³ В.В. Зеньковский, *История русской философии*: в 2-х тт. – Т. 1. – Ч. 1. – Л.: ЭГО, 1991. (Сер. «Философское наследие России»). С. 36, 47, 60, 64, 84, 93-96, 143, 175 и др.

¹⁴ П.А. Флоренский, *Имена: соч.* – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). С. 31, 45, 150-151, 246, 277, 295, 577 и др.

¹⁵ Цит. по: Гуревич, *Исторический синтез...* С. 171-172.

обусловленного саморазвития, и функционирующей на уровне *внесознательного*.

В основу работы «ментальных механизмов» положены три основные функциональные установки: восприятия (представляющая собой когнитивный элемент), оценки (аффект) и поведения (деятельностный компонент), которые представляют собой своеобразную глубинно-психическую «вертикаль». Феномен менталитета выходит за пределы общественного сознания, но, вместе с тем, не отождествляется с коллективным бессознательным – в контексте теоретических построений З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга.

Для развернутой характеристики феномена менталитета необходимо выделение существенных, точнее – сущностных признаков *ментального*, позволяющих говорить о наличном их бытии, вне зависимости от того, какой уровень – социальный, групповой или индивидуальный – выходит на передний план осмысления.

Устойчивость принимается в нашем исследовании в качестве одного из важнейших признаков, характеризующих феномен менталитета. Постоянство внутренних глубинно-психических характеристик менталитета означает пребывание их в определенном состоянии в конкретную историческую эпоху. Устойчивость ментальных феноменов не означает абсолютной неизменности системы установок. Менталитет есть живой в историческом смысле феномен; устойчивость рассматривается в том числе как способность ментальных установок противостоять внешнему воздействию, нацеленному на его разрушение.

Большая глубина функционирования менталитета может быть выделена в качестве существенного его признака. Данный аспект подчеркивается многими исследователями ментальных феноменов, как в европейской, так и в российской национальной философии. Устойчивость как признак *ментального* может быть убедительно реализована именно в *большой глубине*, то есть при условии некоторой сокрытости от повседневного его освещения или направленного воздействия.

Важным ментальным признаком является *мышление* или *склад ума*. Некоторые словари именно так толкуют понятие менталитета / ментальности. Это «доповеденческий» признак менталитета, в определенном смысле детерминирующий установку поведения. Применяемое в философии понятие «познающее мышление» в содержательном отношении приближается к обозначенной нами ментальной установке восприятия, в том числе социального. А «эмоциональное мышление» без всяких смысловых натяжек идентифицируется с установкой оценки.

Известны утверждения о национально-психологических особенностях мышления наций, народов и этносов, которые определяют специфику их

интеллектуально-познавательной активности. В нашем исследовании рассматриваются известные представления о русском уме, обозначенные в свое время И.П. Павловым: русские не склонны к сосредоточенности, беспристрастны даже в науке – эмоциональный компонент часто выступает ведущим¹⁶. Стремление «жать до предела», до края, а затем и за край, – представляется характерно русской чертой, проявляющейся во многих сферах социального бытия, что подчеркивал и Д.С. Лихачёв.

Методологически важно замечание М.К. Мамардашвили о том, что для убедительного анализа народного сознания недостаточно самопредставления народа. В поиске содержания сознания нужно, «не веря самим носителям „сознания“, иметь методологически контролируемую возможность отвлекаться от того, что они говорят или думают о себе и о своих состояниях»¹⁷.

Общественное сознание как существенный признак ментального имеет право на существование применительно к рассматриваемому феномену в форме «сознание / бессознательное», поскольку ментальные феномены функционируют на этой границе. Действительно, сложно игнорировать понятийный «зазор» между «коллективным бессознательным и «формами общественного сознания», выделяющий ядро, которое философы считают своеобразной точкой отсчета, а точнее – центром исследуемого понятия. В авторском определении менталитета мы отходим от традиционных в исследовательском обиходе понятий, приняв за основу понятие «внесознательное» – из творческого наследия российского философа и психолога Д. Н. Узнадзе¹⁸.

Ментальность представляет собой упрощенную форму менталитета, которая не означает «недоразвитости» феномена, неполноценности его в плане сложности и функционирования. Автор предлагает содержательное разделение западного термина *mentalit* на «менталитет» и «ментальность», соотносящиеся между собой как «целое» и часть», что позволит говорить о менталитете общества (или национальном менталитете) и ментальности личности (индивидуальной ментальности). Разнопорядковые феномены, таким образом, имеют вполне определенную общую основу для функционирования, самоосуществления на глубинно-психическом уровне и проявления «вовне».

4.3. «Функциональный аспект менталитета. Менталитет как система установок». Установка рассматривается как системообразующий

¹⁶ И.П. Павлов, *О русском уме* // Рефлекс свободы. – СПб.: Питер, 2001. С. 107-125.

¹⁷ М.К. Мамардашвили, *Сознание как философская проблема* // Вопросы философии. – 1990. – № 10. С. 15.

¹⁸ Узнадзе, *Психология установки...* С. 39.

элемент менталитета. Система установок в пространстве менталитета структурируется на социокультурные (аксиологические) и глубинно-психические (функциональные). Социокультурные установки образуют ценностный ряд, глубинно-психические детерминируют деятельностный аспект менталитета.

Установка *восприятия* относится к числу наиболее общих социально-психологических механизмов, незначительно изменяющихся даже при мощном идеологическом воздействии (например, в условиях тоталитаризма). Несколько сложнее обстоит дело с установкой *оценки*, которая влияет на процесс отбора («фильтрации») внешней информации. Она тесно связана с господствующими в обществе ценностями, ориентациями, нормами и принципами социально приемлемого поведения. Установка *поведения* (деятельностный аспект социальной установки) зависит от результатов формирования установки оценки. На этом этапе различия в менталитетах, оказываются наиболее заметными и существенными.

Социальная установка рассматривается нами как неосознанное состояние готовности человека определенным образом воспринимать, оценивать и действовать по отношению к окружающим его людям или объектам. Она функционирует наряду с интересом, целью, потребностью. Согласно Ш. А. Надирашвили установка «формируется на основе единства определенных внутренних и внешних факторов и, в свою очередь, кладется в основу конкретного социального поведения»¹⁹. Для полноценного социального поведения человека требуется взаимосвязь его индивидуальных психических особенностей со сложившимися нормами жизнедеятельности социальных групп.

Развернутая характеристика установки не может быть понята вне осмысления ее основных свойств. *Иррадиация* связана с распространением, переносом *значений* установки внутри целостной социальной системы, в том числе в историческом протяжении. Согласно свойству *генерализации* фиксированная установка сохраняет свою силу и «срабатывает» и по отношению к ряду других предметов и явлений. Таким образом происходит стереотипизация восприятия, оценки и поведения в рамках общества.

Установка, оставаясь вне пределов сознания, сохраняет способность оказывать на него решительное влияние. Д. Н. Узнадзе обозначает это состояние как «внесознательное», выводя его из бессознательной сферы: «наши состояния сознания... могут определяться и такими процессами, которые не имеют определенного места в сознании и, значит, *не являются*

¹⁹ Ш. Надирашвили, *Понятие установки в общей и социальной психологии.* – Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 130–33.

сознательными психическими фактами»²⁰. Внесознательное «осуществление» установок характеризуется автоматизмами, навыками, стереотипами, социальными аттитюдами и др.

Усвоение социальных установок может быть представлено не только как процесс «перехода» из сферы сознания (или бессознательного) во внесознательное, то есть в «пограничное» состояние; возможна передача и «готовых» установок, представленных в более или менее систематизированном и устойчивом виде. Извне, минуя процесс осознания, утверждает Д. Н. Узнадзе, установки «перешли в достояние людей *в виде готовых формул*, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Опыт и образование являются источниками такого рода формул»²¹.

Установки-ценности представляют собой систему норм, детерминирующих духовную реализацию человека в социальном бытии. Они обретают свое конкретное воплощение, образуя своеобразное «ментальное поле», в единстве с глубинно-психическими установками. Действие данной системы рассматривается как ментальная «работа», которую не следует рассматривать механистически, уподобляя его, по выражению В. А. Лефевра, «бездушию автомата», включающего механизм жесткого поведенческого алгоритма²². Автоматизмы поведения в пространстве «ментального поля» могут быть охарактеризованы как «думающее поведение».

«Общее» (менталитет общества) необходимо сопрягается с «единичным», с конкретными условиями жизни каждого человека, моделями его поведения. Универсальная закономерность взаимодействия личности и социума проявляется в целом спектре специфических законов формирования личности. Некоторые исследователи справедливо, на наш взгляд, выделяют два уровня при анализе духовного потенциала личности: относительно-феноменологический и категориально-аналитический. На первом уровне ментальность характеризуется набором нравственно-психологических чувств. На втором – выступает как социально-рассудочный феномен, базирующийся на соответствующих чувствах и настроении. Единство, взаимосвязь чувственного и рационального и определяет, помимо всего прочего, динамику системы установок общества и личности, выступает своеобразным истоком социальной направленности деятельности.

²⁰ Узнадзе, *Психология установки*... С. 61.

²¹ Д.Н. Узнадзе, *Экспериментальные основы психологии установки* / Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. С. 207.

²² В.А. Лефевр, *От психофизики к моделированию души* // Вопросы философии. – 1990. – № 7. С. 50.

4.4. «Феномены сознания и бессознательного в менталитете». Пространство функционирования ментальных феноменов, понимаемое как поле осуществления ментальных актов, рассматривается как особо важный для социально-философской детерминации феномена менталитета элемент. Осмысление менталитета как «глубинного» феномена позволяет подчеркнуть его функционирование на уровне жизни, пограничном между сознанием и бессознательным.

Менталитет народа, нации, общества (например, русский менталитет) или ментальность малой социальной группы и отдельной личности не являет собой некоей данности, окончательной и неизменной. В работах ряда авторов речь идет о признании менталитета принадлежащим исключительно к сфере, выходящей за пределы сознания. Другие исследователи допускают «работу» сознания в рамках функционирования ментальных феноменов. Эта точка зрения видится предпочтительной, поскольку, наполняемый ценностными установками в пространстве культуры, менталитет не может не иметь истоков сознания в процессе своего генезиса.

Относя феномен менталитета к сфере внесознательного, мы обращаем внимание на содержательную направленность основных функций сознания. Именно «отражательная, порождающая (креативная), регулятивно-оценочная и рефлексивная функции» являются важными для осмысления особенностей осуществления менталитета. Сознание человека есть и продукт социализации, оно развивается в условиях общественного бытия, в условиях социального менталитета.

Менталитет не возникает и не функционирует лишь на бессознательном уровне, а зарождается и прирастает набором в собственную внутреннюю систему установок смыслов, целей и ценностей осознанно, хотя и под влиянием внешней среды. Социальное бессознательное, свойства которого позволяют человеку идентифицировать себя с определенной социальной совокупностью, по мнению Э. Фромма, есть «вытесненные сферы... Содержанием этих элементов является то, что общество не может позволить своим членам довести до осознания, если оно собирается и дальше успешно функционировать на основе собственных противоречий»²³.

С. В. Кондратьев выделяет в сфере «предсознания» усвоенные субъектом социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как «голос совести», «зов сердца», «веление долга», интериоризация которых придает им императивность²⁴. Согласно К. Юнгу,

²³ Э. Фромм, *Душа человека*. – М., 1992. С. 336.

²⁴ С.В. Кондратьев, *Психология становления социальной сущности человека: вопросы теории*. – Волгоград: НКФ «ВОГС», 1999. С. 34.

коллективное бессознательное содержит в качестве структурных элементов «архетипы» – общечеловеческие первообразы всех психических процессов и переживаний, определяющие готовность реагировать определенным образом. Закрепляющиеся в психике исторически, они передаются из поколения в поколение и актуализируются в подходящих условиях (эта черта, объединяет архетип и социальную установку). Р. М. Грановская замечает, что содержание архетипов всегда «лично и исторически обусловлено».

В рамках нашей концепции мы рассматриваем менталитет общества как сложную систему, включающую в себя, по меньшей мере, два уровня: *внешний*, витальный, в значительной степени подвижный, связанный напрямую с изменяющимися жизненными обстоятельствами, в том числе природными, социальными, политико-идеологическими и др., и *внутренний* – инертный, более устойчивый, представляющий собой в определенном смысле «ядро», которое и корректирует ментальные установки, «восстанавливая» их, приводя к единому знаменателю, насколько это возможно, индивидуальные ментальности. «Ментальный акт, – замечает В. Хёсле, – может продлить свое существование лишь в другом ментальном акте... Оставшаяся в прошлом история сознания формирует круг коннотаций, которые особым образом воздействуют на ментальный акт»²⁵.

Здесь важен феномен общественного или национального самосознания, о котором, по мнению С. Л. Рубинштейна, можно говорить, когда народ а) осознает самое себя как нечто особенное в большом социальном мире, б) понимает свои поступки как свое собственное «производное» и в) готов нести ответственность за них²⁶. Задача национального самосознания – не просто осмыслить жизнь в «большом» плане и распознать то, что в ней подлинно значимо, находить верные средства для решения открывшихся задач, но определять самые задачи и общую жизненную цель. Здесь важны не только отрефлексированные, продуманные мысли, но и вся совокупность неясных представлений и установок, детерминирующих поведение людей.

Активность самосознания означает стремление понять, оценить, преобразовать себя в соответствии с выработанным идеалом, а инертность проявляется в желании сохранить status quo, способствуя сохранению отличительных особенностей нации. Интересно мнение И. С. Кона о том, что национальное самосознание предполагает фактическое единство, преемственность и последовательность установок и ценностных

²⁵ В. Хёсле, *Кризис индивидуальной и коллективной идентичности*. – Вопросы философии. – 1994. – № 10. С. 114.

²⁶ С.Л. Рубинштейн, *Основы общей психологии*. – СПб.: Питер Ком, 1999. (Сер. «Мастера психологии»). С. 635.

ориентаций, осознаваемых как личные интересы и склонности. Они могут либо быть продуманными в рамках разработанной программы, либо действовать стихийно, быть невыражаемыми в логических понятиях²⁷. Самосознание, таким образом, имеет ментальные основания, выступая как феномен витальной проявленности менталитета.

Подводя некоторые итоги исследования, следует утвердительно говорить о том, что теоретико-методологический анализ категории «менталитет», а также социально-философское осмысление феномена национального русского менталитета, рассматриваемого как глубинное основание социальных процессов и «произведенных» менталитетом основных черт русского национального характера, аспектно представленное выше, являет собой принципиально незавершенный, открытый характер по той причине, что он обусловлен не только изменениями культуры, но представляет собой ту доминанту, которая укореняет человека в стихиях бытия.

5. В порядке *анпробации* основные положения и выводы настоящего исследования, подготовленного в виде диссертации для защиты на заседании Диссертационного совета Волгоградского государственного университета, излагались автором на ряде научных конференций, симпозиумах и конгрессах в течение более десяти лет. В частности, на I Международном научном конгрессе «Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия» (Волгоград, 1998); II Российском философском конгрессе «XXI век: будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999); Международной научной конференции «Феномен российской интеллигенции. История и психология» (Санкт-Петербург, 2000); XV Международном философском конгрессе «Die geistige Einheit Europas in ihrer Kulturellen Vielfalt» (Бонн, 2000); XIV и XV научно-практических конференциях ИФ РАН «Философское осмысление судеб цивилизации» (Москва, 2001, 2002); Международной научной конференции «Русская история и русский характер» (Санкт-Петербург, 2002); XXI Международном философском конгрессе «Philosophy facing world Problems» (Стамбул, 2003); III и IV Международных научных конференциях «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 2004, 2007); IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005); Международной научной конференции «Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект» (Санкт-Петербург, 2005); Международной научной конференции «Актуальные вопросы российской и европейской систем образования» (Бад-Мергент-

²⁷ И.С. Кон, *Социология личности*. – М., 1967. С. 56.

хайм, Германия, 2007); Международной научной конференции «Этнодемографические факторы национальной безопасности России» (Санкт-Петербург, 2008); Международной научно-практической конференции «Формирование толерантного сознания в российской школе» (Волгоград, 2008); Международной научной конференции «Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества» (Минск, 2008); Международной научной конференции «Человек в условиях мировых природных и социальных катаклизмов» (Санкт-Петербург, 2010); Всероссийской научно-практической конференции «Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития» (Елабуга, 2010); Международной научной конференции «Этническое будущее России: научно-философское осмысление» (Санкт-Петербург, 2010); Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» (Москва, 2010); Международной научной конференции «Национальная философия в контексте современных глобальных процессов» (Минск, 2010) и других.

Russian mentality: social-philosophical concept

The problem of investigation of mental phenomena is actualized in the article. Mentality appears to be a deep of social and cultural self-determination of the society and the individual. The elements of Russian national character are through the mental project developed by the author.